
ПЕРЕВОДЫ И ПУБЛИКАЦИИ

УДК 80

DOI: 10.31249/lit/2025.03.12

АУЭРБАХ Э. ВВЕДЕНИЕ В РОМАНСКУЮ ФИЛОЛОГИЮ (§§ 1–2) / пер.: Долгорукова Н.М.¹, Метелев М.С.², Кудалина А.А.³, Потоцкая С.А.⁴, Кулаков С.С.⁵; вст.: Долгорукова Н.М., Метелев М.С.

Аннотация. Статья представляет собой перевод первых двух параграфов французского учебника выдающегося немецкого филолога Эриха Ауэрбаха «Введение в романскую филологию»: «Критическое издание текста» и «Лингвистика». Перевод снабжен небольшим предисловием, в котором кратко описываются условия создания учебника Э. Ауэрбаха и даются сведения о подготовке самого перевода.

Ключевые слова: Э. Ауэрбах, романская филология, переводоведение.

Для цитирования: Ауэрбах Э. Введение в романскую филологию / пер.: Долгорукова Н.М., Метелев М.С., Кудалина А.А., Потоцкая С.А., Кулаков С.С.; вст.: Долгорукова Н.М., Метелев М.С. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7:

¹ **Долгорукова Наталья Михайловна** – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела литературоведения ИНИОН РАН; ORCID:0000-0002-5553-058; natalia.dolgoroukova@gmail.com

² **Метелев Максим Сергеевич** – преподаватель кафедры истории театра и кино ИФИ РГГУ; maximilian.metelev@gmail.com

³ **Кудалина Анна Алексеевна** – младший научный сотрудник отдела литературоведения ИНИОН РАН; ORCID: 0009-0002-0952-3396; annkudalina000@gmail.com

⁴ **Потоцкая Софья Александровна** – студент II курса бакалавриата, ОП «Филология» НИУ ВШЭ.

⁵ **Кулаков Семен Сергеевич** – студент I курса бакалавриата, ОП «Филология и перевод» РАНХиГС; semyonqulakov@gmail.com

Литературоведение. – 2025. – № 3. – С. 186–204. – DOI: 10.31249/lit/2025.03.12

Поступила: 01.04.2025

Принята к печати: 31.05.2025

AUERBACH E. Introduction to Romance philology studies (§§ 1–2) / transl.: Dolgorukova N.M.¹, Metelev M.S.², Kudalina A.A.³, Pototskaya S.A.⁴, Kulakov S.S.⁵; intr.: Dolgorukova N.M., Metelev M.S.

Abstract. The article is a translation of the first two paragraphs of the French textbook *Introduction to Romance Philology Studies: The Critical Edition of the Text and Linguistics* written by a famous German philologist Erich Auerbach. The translation is provided with a short preface, which briefly describes the conditions for the creation of E. Auerbach's textbook and information about the preparation of the translation itself.

Keywords: E. Auerbach; Romance philology; translation studies.

To cite this article: Auerbach, Erich. "Introduction to Romance Philology Studies (§§ 1–2), transl. by Dolgorukova N.M., Metelev M.S., Kudalina A.A., Pototskaya S.A., Kulakov S.S.; intr.: Dolgorukova N.M., Metelev M.S.", *Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 7: Literary studies*, no. 3, 2025, pp. 186–204. DOI: 10.31249/lit/2025.03.12 (In Russian)

Received: 01.04.2025

Accepted: 31.05.2025

Эрих Ауэрбах. Филология в изгнании

Вниманию читателей предлагается перевод части первой главы учебника «Введение в романскую филологию» (*Introduction*

¹ **Dolgorukova Natalia Mikhailovna** – Candidate in Philology, Senior Researcher at the Department of Literary Studies, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; natalia.dolgoroukova@gmail.com

² **Metelev Maxim Sergeevich** – lecturer at the Department of History of Theatre and Cinema, Institute of Philology and History, Russian State University for the Humanities; maximilian.metelev@gmail.com

³ **Kudalina Anna Alekseevna** – Junior Researcher at the Department of Literary Studies, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; ORCID: 0009-0002-0952-3396; annkudalina000@gmail.com

⁴ **Pototskaya Sofia Alexandrovna** – second-year undergraduate student, educational program "Philology", National Research University Higher School of Economics;

⁵ **Kulakov Semyon Sergeevich** – first-year undergraduate student, educational program "Philology and Translation", Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; semyonqulakov@gmail.com

aux études de philologie romane, 1943), написанного немецким филологом-романистом Эрихом Ауэрбахом (1892–1957). Его наследие, хотя и с опозданием, постепенно становится доступным и на русском языке: помимо второго издания (2001) самого известного труда Ауэрбаха «Мимесис» (1946), переведенного у нас еще в советские годы германистом А.В. Михайловым¹ (1976), не так давно появился сборник основных статей Ауэрбаха, переведенных и основательно прокомментированных Д. Колчигиным², а также перевод ауэрбаховских статей под общим заглавием «Филология мировой литературы», составленный немецким исследователем и комментатором Матиасом Бормутом³. Русский перевод «Введения в романскую филологию» по замыслу переводчиков должен восполнить знакомство российских гуманитариев с научным творчеством замечательного немецкого филолога.

Обстоятельства написания и публикации французского учебника Э. Ауэрбаха достаточно необычны. «Введение...» было написано Э. Ауэрбахом в период вынужденной эмиграции в Турции и в годы Второй мировой. Немецкому профессору, оказавшемуся после Марбурга в Стамбуле, пришлось преподавать турецким студентам, не зная их языка, по-французски, почти в отсутствие научной литературы и необходимых источников. Трудности преподавания отчасти удалось разрешить после того, как Ауэрбах написал учебник по-французски и напечатал его для своих студентов в местной типографии. С тех пор учебник постепенно переводили на европейские языки, в том числе на немецкий.

В переведенных двух параграфах «Введения...» («Критическое издание текста» и «Лингвистика») изложен взгляд ученого на преподаваемый им предмет и на вспомогательные для филологии дисциплины. Большим преимуществом для чтения учебника было (и остается сегодня) отсутствие научного аппарата и простой язык, понятный студентам, делающим первые шаги в изучении романской филологии.

Оба первых параграфа учебника переведены здесь студентами разных курсов и вузов, изучающими французский язык и фран-

¹ Ауэрбах Э. Мимесис / пер. с нем. А.В. Михайлова. – Москва : Прогресс, 1976. – 556 с.

² Ауэрбах Э. Историческая топология / пер., предисл. Д.С. Колчигина ; под ред. Ф.Б. Успенского. – Москва : Издательский Дом ЯСК, 2022. – 568 с.

³ Ауэрбах Э. Филология мировой литературы. Эссе и письма / пер. с нем. ; сост. М. Бормут. – Москва : Культурная революция, 2021. – 224 с.

цузскую филологию и в разные годы входящими в переводческий семинар Н.М. Долгоруковой. Непосредственное активное участие в данном переводе принимали: С.А. Потоцкая (студентка II курса бакалавриата, ОП «Филология» НИУ ВШЭ), С.С. Кулаков (студент I курса бакалавриата, ОП «Филология и перевод» РАНХиГС), М.С. Метелёв (магистр, 2024 г., ОП «Медиевистика», НИУ ВШЭ), А.А. Кудалина (аспирантка, аспирантская школа по филологическим наукам НИУ ВШЭ).

Н.М. Долгорукова, М.С. Метелев

Введение в романскую филологию¹ **Предисловие**

Эта небольшая книга была написана в Стамбуле в 1943 году с целью предложить моим турецким студентам *общий курс*, который позволил бы им лучше понять истоки и смысл романской филологии. Это было во время войны; я оказался вдали от европейских и американских библиотек, практически не имел контактов с иностранными коллегами. Долгие годы у меня не было доступа ни к новым книгам, ни к свежим журналам. Сейчас я слишком поглощен другими исследованиями и преподаванием, чтобы заниматься правкой «Введения...». Мои друзья, прочитавшие рукопись, сошлись во мнении, что и в таком виде она может быть полезна. Но я прошу критически настроенного читателя помнить, при каких обстоятельствах и с какой целью книга была создана: этим объясняются особенности ее структуры, к примеру, наличие главы о христианстве.

Я сердечно благодарен господину Фрицу Шальку, коллеге из Кёльнского университета, который указал мне на несколько ошибок и предложил расширить библиографию. Не хочу упустить возможность выразить благодарность коллегам из Стамбула, которые помогли мне во время работы над первой редакцией: это Су-

¹ Перевод выполнен по изд.: *Auerbach E. Introduction aux études de philologie romane.* – Frankfurt am Main : V. Klostermann, 1965. – 252 p. – *Прим. переводчиков.*

хейла Байрав, которая сделала турецкий перевод, вышедший в 1944 году¹, госпожа Нестерин Дирвана и господин Морис Журне.

*Стейт-колледж, Пенсильвания, март 1948,
Эрих Ауэрбах*

Часть первая

Филология и ее разделы

А. Критическое издание текста

Филология включает в себя сферы деятельности, которые систематически изучают человеческие языки и тексты, созданные на этих языках. Поскольку филология наука древняя, а подходить к языку можно с самых разных сторон, то слово «филология» приобретает широкий смысл и включает самые разные сферы деятельности. Один из наиболее древних видов филологической деятельности, можно сказать, классический, который и по сей день многие ученые считают наиболее благородным и «истинно филологическим», – это критическое издание текстов.

Необходимость в создании канонического текста начинает ощущаться тогда, когда представители высокой культуры осознают его высокое значение и хотят уберечь от разрушения временем произведения, которые составляют ее духовное наследие, – спасти не только от забвения, но и от небрежности переписчиков, от изменений, искажений и добавлений, неизбежно связанных с частым использованием рукописей. Такую необходимость ощущали уже в эпоху эллинизма, в III в. до н.э., когда филологи из Александрии начали редактировать и издавать древнегреческие поэтические тексты, в первую очередь – Гомера. С того времени издания древних текстов в античную эпоху не прекращались и имели решающее значение в создании канона священных христианских текстов.

Критическое издание текстов считают заслугой Ренессанса и возводят к XV–XVI вв. Известно, что к тому времени в Европе возродился интерес к греко-латинской античности. И хотя интерес этот никогда не иссякал полностью, но до эпохи Возрождения он касался не оригинальных текстов великих авторов, а скорее их вторичных переработок и адаптаций. Так, например, текст Гомера не был известен в Средние века, но история Троянской войны до-

¹ *Auerbach E. Roman filolojisine giriş / çeviren: S. Bayrav. – İstanbul : İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi, 1944. – 251 s. – Прим. переводчиков.*

шла до них в позднеантичных версиях, на основе которых рождались новые европейские эпосы, несколько наивно приспособленные к нравам Средневековья. Что касается античных поэтов и ученых о стиле, то они не изучались и были практически забыты, сохранившись фрагментарно благодаря позднеантичным или раннесредневековым учебникам, лишь в малой степени отражавшим былое величие античной литературы.

Такое положение дел стало меняться в Италии XIV в. по самым разным причинам. Всем, кто желал писать на своем родном языке в возвышенном стиле, Данте (1265–1321) рекомендовал изучать античных классиков. В следующем поколении итальянских поэтов и ученых эта тенденция стала всеобщей: Петрарка (1304–1374) и Боккаччо (1313–1375) уже представляют ту группу писателей-творцов, которых впоследствии назовут гуманистами. Их образ мыслей постепенно распространился и по другую сторону Альп, а европейский гуманизм достиг своего расцвета в XVI в.

Гуманисты стремились изучать античных авторов и подражать им: писать в схожем стиле как на латыни, которая оставалась языком учености, так и на народных языках, которые гуманисты хотели обогатить, украсить, обтесать для того, чтобы те стали столь же прекрасными и, подобно древним языкам, годились бы для выражения высоких мыслей и чувств. Но чтобы достичь этой цели, сначала необходимо было найти рукописи текстов (причем самые ранние), которыми так привыкли восхищаться гуманисты.

Практически все античные рукописи исчезли во время войн и катастроф, в результате забвения и небрежения. До нас дошли только списки, которыми мы обязаны в большинстве случаев монахам-переписчикам, – эти списки оказались разбросаны по всем монастырским библиотекам Европы. Зачастую они сохранились не полностью, были повреждены, испорчены или искажены, в той или иной степени всегда неточны. Множество произведений, некогда знаменитых, были утеряны навсегда, от других остались только фрагменты, так что не было практически ни одного античного автора, чьи тексты дошли бы до нас полностью. Многие значительные книги существуют в единственном экземпляре, чаще всего неполном.

Задача, которая стояла перед гуманистами, заключалась, прежде всего, в том, чтобы найти сохранившиеся античные рукописи, сравнить их и постараться вычленив авторскую редакцию. А это было очень сложной задачей. Коллекционеры обнаружили много таких рукописей в эпоху Возрождения, но найдены были

далеко не все. Столетия потребовались для того, чтобы собрать остальное. Множество рукописей было обнаружено гораздо позже, их находили вплоть до XVIII – XIX вв. Совсем недавно найденные египетские папирусы по-новому обогатили наше знание античных текстов, особенно греческих авторов.

Дальнейшая работа состояла в сравнении и оценке манускриптов. Почти все они были копиями копий, причем последние нередко относились уже к тем временам, когда античная традиция была утрачена. В текстах было допущено множество ошибок: одни переписчики попросту не понимали переписываемый ими текст, порой отделенный от них несколькими веками; другие, спотыкаясь на повторяющемся слове, перескакивали через несколько строк, пропуская целые абзацы; третьи же, переписывая непонятный фрагмент, полностью меняли его смысл. Их последователи, в свою очередь, сталкиваясь с испорченным фрагментом, хотели любой ценой сделать текст понятным и вводили новые изменения, стирая, таким образом, последние следы первоначальных редакций. Добавьте к этому со временем утраченные строки, ставшие нечитаемыми, отсутствующие страницы, вырванные или изъеденные червями. Невозможно перечислить все неточности, ошибки, потери, понесенные этими хрупкими сокровищами за века забвения, полные катаклизмов.

Со времен гуманистов постепенно оформился строгий метод реконструкции текста. В его основе лежит техника классификации рукописей. Раньше, чтобы классифицировать манускрипты, разбросанные по библиотекам, нужно было сначала их переписать, что порождало невольные ошибки. Сегодня мы можем сфотографировать рукописи, что исключает такие ошибки и оберегает филолога от лишних издержек (правда, лишает радостей путешествия из одной библиотеки в другую). Сейчас исследователь получает фотокопию рукописи по почте.

Когда перед нами все известные редакции произведения, их нужно сравнить, и в большинстве случаев мы получаем классификацию. Оказывается, например, что некоторые манускрипты, которые мы обозначим А, В, С, содержат одну и ту же версию многих спорных фрагментов, тогда как другие рукописи, D и E, дают другую общую для них редакцию. Шестая рукопись, F, в целом следует за группой А, В, С, но содержит отличия, которых нет ни в рукописях А, В, С, ни в D и E. Учитывая все это, исследователь создает генеалогическое древо рукописи. В нашем случае, который относительно прост, можно предположить существование

утраченного манускрипта X, который прямо или косвенно служил моделью с одной стороны для F, а с другой стороны, для копии X, также утраченной, из которой выросли варианты A, B и C, в то время как D и E принадлежат не «семье» X, а какой-то другой и происходят от иного утраченного предка или «архетипа», который мы назовем Y. Ценные сведения могут сообщить филологу тип письма (время написания), место, где рукопись была найдена, другие тексты, написанные той же рукой, и прочие подобные обстоятельства.

После реконструкции генеалогического древа рукописи – а оно может быть очень разветвленным – редактор-филолог должен решить, какой версии он хочет отдать предпочтение. Иногда превосходство [supériorité] рукописи (или группы рукописей) настолько очевидно и бесспорно, что можно пренебречь всеми другими версиями. Но так бывает редко. В большинстве случаев первоначальный текст частично содержится в нескольких группах манускриптов. На основе проведенных исследований филолог подготавливает критическое издание, содержащее текст, который, по его мнению, написал автор. В примечаниях он указывает на существующие редакции, показавшиеся ему неправильными, указывая для каждого различия рукопись, в которой оно имеет место. Таким образом, читатель может сформировать собственное мнение о правильном прочтении.

Что касается лакун и абсолютно нечитаемых фрагментов текста, то их можно попробовать реконструировать с помощью конъектуры, то есть предположения о первоначальном виде утраченного фрагмента. В этом случае, естественно, исследователь откровенно даст понять, что это его реконструкция и приведет список прочтений того же фрагмента или слова в других изданиях, если таковые имеются.

Понятно, что критическое издание готовить легче, если сохранились лишь немногие манускрипты или вообще только один. В таком случае нужно просто затранскрибировать текст со скрупулезной точностью и, если потребуется, добавить конъектуры. Если же сохранилось много примерно равноценных манускриптов, содержащих один и тот же текст, то классификация и выбор окончательного варианта могут оказаться очень сложным делом. Несмотря на то, что многие ученые посвятили практически всю свою жизнь одной только этой задаче, у нас до сих пор нет ни одного критического издания со всеми вариантами «Божественной Комедии» Данте.

На последнем примере мы видим, что искусство издания текстов не сводилось к реконструкции только греко-романских источников. Например, в эпоху Реформации XVI в. метод реконструкции текста использовался в процессе формирования канонического текста Библии. Первые историки-эрудиты, среди которых преобладали иезуиты и бенедиктинцы XVII – XVIII вв., тоже прибегали к этому методу. Когда в начале XIX в. возник интерес к культуре и поэзии Средних веков, тот же метод использовали для издания средневековых текстов. Наконец, разные направления ориенталистики, которые, как мы знаем, активно развиваются в наше время, нередко следуют этому методу при издании арабских, турецких, персидских и других текстов. И речь здесь идет не только об изданиях рукописей, записанных на бумаге или пергамене, но также о надписях, папирусах, разнообразных табличках и т.д.

Книгопечатание, то есть механическое воспроизведение текстов, сильно облегчило задачу издателей. Однажды подготовленный к печати текст может быть многократно воспроизведен в точности, без угрозы, что новые ошибки, привнесившиеся ранее каждым следующим переписчиком, снова проскользнут в текст. Конечно, и печатный текст может быть не свободен от ошибок, но такие ошибки гораздо легче контролировать и обычно они не сильно влияют на восприятие текста. В отношении авторов, творивших после 1500 г., когда книгопечатание стало повсеместным и авторы чаще всего имели возможность принимать участие в процессе подготовки текста к публикации, – тогда проблема критического издания, как правило, не возникает, или решается гораздо проще.

Тем не менее, существует множество исключений и особых случаев, которые требуют усилий издателя-филолога. Так, Монтень (1533–1592) много раз издавал свои «Опыты» и всякий раз фиксировал на полях напечатанных экземпляров дополнения и изменения, надеясь увидеть их в последующих изданиях. Однако при его жизни этого так и не произошло. Его друзья, которые готовили к печати посмертные издания, опубликовали не все добавления и изменения. Поэтому теперь, когда филологи находят новый экземпляр с комментариями, сделанными рукой Монтеня, каждая такая находка позволяет получить более полный текст «Опытов». Современные издатели публикуют все варианты, которые Монтень подготовил для последующих изданий, под одной обложкой, обозначая каждую версию отдельной буквой или специальным типографским знаком, благодаря чему читатель может

следить за развитием мысли автора. Практически такая же ситуация сложилась с «Новой наукой» – главным произведением итальянского философа Джамбаттисты Вико (1668–1744). В случае Блеза Паскаля (1623–1662) всё намного сложнее. Он оставил нам свои «Мысли» на карточках, которые иногда трудно прочитать, поскольку они лишены какой-либо классификации; с 1670 г. издатели публиковали его «Мысли» в самых разных вариантах.

Мы видим, что после изобретения книгопечатания проблема критического издания встает, прежде всего, в отношении посмертных публикаций, а также при подготовке к печати юношеских произведений, черновиков, первых редакций, фрагментов, которые писатель не счел заслуживающими опубликования, личной переписки или текстов, не пропущенных цензурой или изъятых из продажи по другим причинам. Довольно часто (особенно если речь идет о драматургах, выступавших одновременно режиссерами и актерами) возникали случаи, когда авторы не следили за публикацией своих произведений, перепоручали издание текстов другим, или же кто-то печатал их сочинения без ведома или против воли автора с некачественной или подпольной копии. Самый известный пример – Шекспир. Но в подавляющем большинстве случаев для авторов Нового времени задача критического издания решается гораздо проще, чем для тех, кто писал до изобретения книгопечатания.

Очевидно, что подготовка критического издания – это не вполне самостоятельная работа: нужна поддержка других ветвей филологической науки и вспомогательных дисциплин, которые, строго говоря, не являются филологическими. Когда мы хотим реконструировать и опубликовать текст, нужно в первую очередь уметь его прочитать, ведь способы начертания букв менялись от эпохи к эпохе. Появилась даже специальная вспомогательная наука по изданию текстов – палеография, позволяющая расшифровывать буквы и сокращения, которые использовались в различные эпохи. Не будем забывать, что тексты, которые мы издаем, являются древними и написаны они на мертвых языках или древних формах современных языков. Необходимо понимать язык, на котором написан текст: требуются лингвистические и грамматические исследования. С другой стороны, сам текст зачастую дает толчок к развитию соответствующей области исследований. Именно за счет исследования древних текстов смогла сильно продвинуться вперед историческая грамматика – история развития различных языков: в текстах обнаруживались старые формы, ко-

торые позволили ученым XIX в. сформулировать конкретные гипотезы не только о развитии того или иного языка, но также о языкознании в целом (см. главу «Лингвистика»).

Даже когда умеешь читать текст и понимаешь язык, на котором он написан, этого часто недостаточно для того, чтобы постичь его смысл. Нужно понимать все нюансы текста, который хочешь опубликовать с научными комментариями. Как без этого определить, насколько корректен и аутентичен проблемный фрагмент? Здесь открывается простор для работы с текстом: невозможно предугадать, какие знания в области эстетики, словесности, юриспруденции, истории, теологии, естественных наук и философии потребуются исследователю. Обо всем, что только есть в тексте, редактирующий и комментирующий его филолог должен собрать сведения, которые содержатся в предшествующих исследованиях. Все это необходимо для того, чтобы понять, в какую эпоху был создан тот или иной текст и кто мог быть его автором; решить, соответствует ли спорный фрагмент стилю и мыслям рассматриваемого автора, вписывается ли он в общий контекст произведения и следует ли, принимая во внимание эпоху и условия создания текста, читать его по рукописи А или по рукописи В.

Таким образом, критическое издание текста опирается на все те знания, которые требует его интерпретация. Конечно, зачастую практически невозможно получить полное знание, но добросовестный филолог должен прибегать к помощи и советам коллег. Критическое издание готовится в тесном контакте многих филологических дисциплин, подключая порой и другие области знаний. Филология нуждается в их помощи, но и сама очень часто предоставляет им ценный материал.

В. Лингвистика

Эта область филологии (такая же древняя, как и научное издание текстов, поскольку развивалась она постепенно, начиная с александрийских филологов III в. до н.э.) в Новое время полностью изменила свой предмет и методы исследования. Характер и причины изменений разнообразны и весьма сложны: они обусловлены переменами в философском, психологическом и общественном мышлении, – но осознать их результаты достаточно просто. Предметом лингвистики является структура языка – то, что называется грамматикой. Однако до начала и даже до середины XIX в. лингвистика занималась почти исключительно письменной, а не

устной речью, которая рассматривалась только с точки зрения ораторского искусства (риторики), то есть, литературы. Разговорный язык – в особенности тот, на котором говорил простой народ и даже образованные слои общества, – никогда не был предметом изучения лингвистики, равно как диалекты и жаргоны. Элитарная сторона античного учения о языке проявляется, прежде всего, в тех целях, которые она преследовала: устанавливать правила, определять, что верно и что нет, иначе говоря – судить и предписывать, как следует говорить и писать. Естественно, что такая лингвистика ориентировалась только на «правильных авторов», на «хорошее общество», но никак не на общую речь. Античные работы о языке ограничивались изучением языков некоторых народов с развитой культурой, причем это были литературные языки, которыми пользовались высшие слои общества. Все остальное для античных авторов практически не существовало. Поэтому лингвистика была чрезвычайно статична, всякое изменение воспринимала как упадок и стремилась раз и навсегда установить незыблемый идеал правильности и стилистической красоты. Более того, такая лингвистика естественным образом тяготела к пониманию языка как объективной реальности, существующей независимо от человека; ведь изучали язык только по великим произведениям искусства, как некую совершенно объективную форму [*une forme objective*].

Все изменилось за последние сто с лишним лет – и до сих пор подходы в лингвистике все время меняются: практически каждый год появляются новые методы и идеи. В последнее время ученые стараются употреблять слово «лингвистика» вместо слова «грамматика», которое отсылает к античным подходам. У всех современных лингвистических течений есть нечто общее: они понимают язык не как текст, а, прежде всего, как устную речь, то есть спонтанную деятельность человека. Язык рассматривается во всех возможных аспектах, географических ареалах и социальных слоях и понимается как живой организм, как нечто такое, что живет вместе с человеком и постоянно воспроизводится людьми, то есть как бесконечное творчество, пребывающее в безостановочном развитии. Идеи о языке, как непрерывно порождаемой человеческой деятельности, первоначально были изложены Вико (ум. 1744) и Гердером (1744–1803), а позднее Вильгельмом фон Гумбольдтом (1767–1835) – правда, в довольно умозрительной форме. Начиная только с первой половины XIX в., лингвисты стали извлекать из представлений о языке практическую пользу.

Современный лингвист смотрит на своих предшественников [ancêtres] немного свысока и усмехается, читая грамматику начала XIX в., автор которой смешивает понятия звука и буквы. Тем не менее, именно традиционной грамматике мы обязаны той огромной аналитической работой, которая до сих пор служит фундаментом современных исследований. Определение членов предложения (подлежащее, сказуемое, дополнение и т.д.) и их соотношения; парадигмы склонений и спряжений; описание разных типов предложения (главное, придаточное, утвердительное, отрицательное, вопросительное); типы придаточных; прямая и косвенная речь и т.д., – это и многое другое в том же роде доступно нам сегодня благодаря многовековому труду ученых, стремившихся достичь идеалов логики и аналитической строгости. Это те столпы, на которых будет держаться здание лингвистики, пока есть люди, которые его возводят. Современная лингвистика, несмотря на очевидный и удивительный прогресс в последние десятилетия, рискует столкнуться с трудностями в создании подходов, сопоставимых с предшествующими фундаментальными концепциями, стремившимися к принципиальной устойчивости.

Лингвистика может заниматься языком вообще и сравнением языков: в первом случае – это общее языкознание, создателем которого является Франц Бопп (1791–1867), во втором – частное языкознание, изучающее группы родственных языков (романских, германских, семитских) или даже один конкретный язык (английский, испанский, турецкий и т.д.) Частная лингвистическая дисциплина может изучать как язык конкретной эпохи, например, современное состояние языка (описательная лингвистика или, по терминологии Соссюра (1857–1913), синхрония), так и историческое развитие языка (историческая лингвистика или, по Соссюру, диахрония).

Что касается разделов лингвистики, общепринятым считается разделение на фонетику (изучение звуков), лексикологию и морфологию (изучение форм глагола, существительного, местоимения и т.д.) и синтаксис (изучение структуры фразы). В свою очередь, лексикология делится на две части: этимологию (исследование происхождения слов) и семантику (исследование их значения).

Революция в лингвистике, о которой я ранее говорил, произошла в начале XIX в. в связи с открытием сравнительного мето-

да Боппом («Система спряжений в санскрите»¹, 1816). Практически в это же время у нескольких ученых, вдохновленных немецким романтизмом, родилась идея о лингвистическом становлении и развитии, позволившая им на примере нескольких языков наблюдать закономерности развития звуков и форм на протяжении столетий. Основные этапы этой эволюции были отмечены для германских языков Якобом Гриммом («Немецкая грамматика»², 1819–1837), а для романских языков – Фридрихом Дицем («Грамматика романских языков»³, 1836–1838). Это позволило им на более строгой научной основе построить историческую лингвистику во всем ее многообразии, особенно этимологию, которая до открытия основных фактов фонетического развития могла быть только дилетантской.

Однако Гримм, Диц и первое поколение их учеников еще не были чистыми лингвистами в современном понимании этого слова. Их лингвистические наблюдения строились на материале литературных текстов. Они, прежде всего, были издателями и комментаторами древних текстов, в которых в основном и черпали материал для своих лингвистических исследований. Как бы ни были они одержимы концепцией языковой эволюции, к разговорному языку с целью изучения его развития они не обращались, а их способ оценки языковых феноменов сохранил некоторый налет «традиционности». Их подход к языку чаще всего оставался, скорее, абстрактно-логическим, чем реалистическим или психологическим.

С тех пор многое изменилось, и на то были разные причины, я назову некоторые из них. Во-первых, влияние позитивизма в естественных науках: позитивизм хотел превратить лингвистику в точную науку и предлагал концепцию языка и самой разговорной речи как механического продукта психофизиологического устройства человека, взаимодействия мозга и речевого аппарата. Во-вторых, воздействие демократических и социалистических идей, противостоявших литературному аристократизму традиционной

¹ *Bopp Fr.* Über das Conjugationssystem der Sanskritsprache in Vergleichung mit jenem der griechischen, lateinischen, persischen und germanischen Sprachen. – Frankfurt : Andreae, 1816. – XXXXVI, 312 s. – *Прим. переводчиков.*

² *Grimm J.* Deutsche Grammatik : 4 Bde. – Göttingen : Dieterich, 1819–1837. – *Прим. переводчиков.*

³ *Diez F.* Grammatik der romanischen Sprachen : 3 Bde. – Bonn, 1836–1838. – *Прим. переводчиков.*

лингвистики и способствовавших обращению к народной речи и объяснению языковых феноменов, опираясь на социологию. В-третьих, активность местного традиционализма, приверженцы которого увлеченно культивировали и пропагандировали изучение диалектов. В-четвертых, влияние имперского колониализма великих европейских держав: колониализм подталкивал к изучению языков относительно примитивных народов, не имевших собственной литературы, – это было очень интересно, дало много новых наблюдений и материалов, ранее неизвестных и встреченных с энтузиазмом тем более горячим, что в Европе с конца XIX в. царила мода на примитивные культуры. В-пятых, развитие национализма малых народов, пестовавших свои традиции и посвящавших себя изучению национального языка – часто они получали поддержку от более крупных соседей, желавших втереться в доверие малыми средствами. В-шестых, наконец, влияние интуитивистского и эстетического импрессионизма, учившего видеть в языке индивидуальное выражение человеческой души.

Даже это неполное и пунктирное перечисление в достаточной мере показывает, до какой степени разнородны причины, приведшие к лингвистической революции, как по происхождению, так и по своим целям. Однако все они вместе способствовали разрушению духа эксклюзивности, аристократичности, литературности и логичности старинных методов. Был собран и проанализирован огромный материал, включавший языки целых народов, несравненно более объемный и заслуживающий доверия, чем был доступен в прошлые эпохи. Новый материал послужил основанием для интереснейших сравнительных и комплексных исследований, имевших большую ценность для психологии, этнологии и социологии.

Говоря о новых лингвистических методах, мы ограничимся кратким анализом тех из них, которые оставили серьезный след в романской филологии.

Со второй половины XIX в. появляются лингвисты-романисты, которые в своих исследованиях опираются уже не только на литературные тексты. Назовем прежде всего Гуго Шухардта (1842–1927), одного из крупнейших ученых того времени: в своих многочисленных работах (Лео Шпитцер издал их в сборнике «Избранные статьи по языкознанию»¹, 2-е изд., 1928) он представил

¹ *Schuchardt H.* Hugo Schuchardt-Brevier: Ein Vademecum der allgemeinen Sprachwissenschaft / ed. L. Spitzer. – Halle : Max Niemeyer, 1922. – 375 S.

очень перспективную концепцию специфически человеческой природы языка, которая сложилась у него в процессе борьбы против тех языковедов, кто хотел ввести в лингвистику систему законов по образцу естественных наук. Вклад Вильгельма Мейер-Любке (1861–1936) ценен не столько даже общими идеями, которыми он вдохновлялся, сколько тем, что он подвел итог достижениям ученых XIX в. в области романской лингвистики (см. «Грамматика романских языков»¹, 1890–1902; «Этимологический словарь романских языков»², 3-е изд., 1935). Он в меньшей степени, чем большинство предшественников, опирается на письменные источники, сосредоточиваясь в основном на устной речи и диалектах. С момента публикации его первых работ, возникло множество течений, методов, направлений, которые с трудом поддаются классификации из-за большого числа высококлассных специалистов, сознательно или бессознательно сочетавших в своих исследованиях множество различных тенденций. И все-таки я бы выделил в романской лингвистике последних пятидесяти лет три ключевых направления.

Систематическая тенденция обозначилась в современной лингвистике у основателя женеvской лингвистической школы Фердинанда де Соссюра («Курс общей лингвистики»³, посмертно, 1916, 3-е изд., 1931). Соссюр – сознательный реакционер в том смысле, что он не принимает исключительно динамическую точку зрения современной ему исторической лингвистики. Наряду с ней, и даже над ней, он устанавливает лингвистику статическую, описывающую состояние языка в данный момент вне исторического контекста. Конечно, он не привносит в свои исследования эстетический и нормативный дух старой грамматики, оставаясь непре-

На русском языке: *Шухардт Г.* Избранные статьи по языкознанию. – Москва : Издательство иностранной литературы, 1950. – 292 с. – *Прим. переводчиков.*

¹ *Meyer-Lübke W.* Grammatik der romanischen Sprachen. – Leipzig : Fues's Verlag, 1890–1902. – Bd. 1–4. – *Прим. переводчиков.*

² *Meyer-Lübke W.* Romanisches etymologisches Wörterbuch. – Heidelberg : Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1911. – XXII, 1092 S. – *Прим. переводчиков.*

³ *Saussure F. de.* Cours de linguistique générale. – Lausanne ; Paris : Payot, 1916. – 337 p.

Первый полный перевод на русский язык: *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики / пер. с фр. А.М. Сухотина. – Москва : Соцэкгиз, 1933. – 272 с. – *Прим. переводчиков.*

клонным на позициях современного ему позитивизма, в духе которого Соссюр всегда довольствуется установлением фактов опыта, особенно если их удастся связать в единую систему. Кроме того, позитивистская методология вынуждает Соссюра изолировать языковой объект от всего того, что, согласно его теории, объектом лингвистики не является, – от этнографии, археологии, физиологии, филологии и т.д. Для него лингвистика – часть «семиологии», науки, которая изучает язык знаков внутри социальной жизни. Но даже социальная жизнь у Соссюра имеет характер слишком общий и абстрактный.

Соссюру удалось углубить концепции функционирования языка, предложив четкую классификацию, оказавшуюся весьма плодотворной для современной лингвистики. Во-первых, он предложил разделение между языком (*langue*) – как фактом социальной жизни, суммой словесных образов, существующих в сознании людей, статическим элементом речевой деятельности – и речью (*parole*), понимаемой как творческий индивидуальный акт, в котором человек в свойственной только ему манере использует код языка, образуя динамический элемент речевой деятельности. Во-вторых, разграничение между синхронической лингвистикой, которая изучает язык в современном его состоянии, и диахронической лингвистикой, которая изучает эволюцию, развитие языка от эпохи к эпохе. Однако Соссюр пытается показать, что эти две лингвистики противостоят друг другу, что их методы и принципы диаметрально противоположны, что их подходы невозможно объединить в одном исследовании.

Два других течения, которые я назову, явно ориентированы на динамику языка, хотя и совсем по-разному. Так называемая идеалистическая школа Карла Фосслера (1872–1949) вдохновлялась в особенности эстетикой Бенедетто Кроче (1866–1952) и находилась под влиянием историзма – идей, которые высказывали немецкие философы и историки. Фосслер видел в языке выражение индивидуальных форм человеческой деятельности, как они постоянно развиваются в процессе бесконечной эволюции от эпохи к эпохе.

Фосслер и его последователи, таким образом, изучают, по терминологии Соссюра, только речь (*parole*), но не язык (*langue*). Они придерживаются исключительно исторической точки зрения, пытаясь распознать в фактах языковой эволюции свидетельства различных эпох и – что в особенности характерно для этой группы ученых, – интересуются не столько материальной историей цивили-

лизации, сколько глубинными тенденциями, общей формой идей, образов, инстинктов, которые носит в себе язык и которые открываются только тому, кто умеет их истолковывать. Идеалисты ищут в лингвистических феноменах особый гений личностей, народов и эпох. Эта группа лингвистов принадлежит к направлению так называемой «истории духа» (*Geistesgeschichte*), о которой мы будем говорить в связи с историей литературы. Она оказала большое влияние также и на многих своих оппонентов, но столкнулась с большими трудностями в поисках точного метода и ясной терминологии.

С точки зрения развития практических методов и общих результатов, наиболее значительным из названных течений является третье. Оно связано с изучением диалектов. Идея фиксировать феномены диалектов на географических картах относится к середине XIX в. и принадлежит великому человеку по имени Жюль Жильерон (1854–1926), автору «Лингвистического атласа Франции»¹ (сост. совм. с Эдмоном Эдмоном, 1902–1912). Жильерон открыл новое поле исследований, став основоположником лингвистической географии или, если угодно, стратиграфии. Диалектные феномены, изучаемые под микроскопом, позволили рассмотреть функционирование лингвистических изменений и выявить общие закономерности, интересные как с точки зрения лингвистики, так и с точки зрения истории и социологии. Жильерон тоже придерживался представления о языке как о динамической системе. Его концепция была вдохновлена биологией, но не как наукой о жизни человека, а как учением о жизни звуков, слов и форм. Для него язык был полем битвы между сильными и слабыми, где есть победители и проигравшие, раненые и убитые. Благодаря такому подходу он и его последователи обнаружили большое количество психологических и социальных факторов, влияющих на развитие языка (например, влияние на язык близких официальному и литературному языкам диалектов образованных людей). Эти открытия способствовали изменению бытовавших во второй половине XIX в. слишком прямолинейных и узких представлений о «фонетических законах» и дали нам более глубокое и верное понимание лингвистических фактов.

Помимо всего этого, ученые занимались исследованиями географии слов, обозначающих те или иные вещи («школа “Слов и

¹ *Gilliéron J., Edmont E. Atlas linguistique de la France : 13 vols. – Paris : Champion, 1902–1912. – Прим. переводчиков.*

Вещей»¹). В итоге это привело к появлению плодотворных исследований, посвященных материальной культуре, особенно ценных для истории земледелия и ремесел. В результате лингвистическая география приобрела важное значение в качестве вспомогательной исторической дисциплины. Поскольку диалекты часто сохраняют следы более ранних (иногда очень древних) этапов развития языка, то при умелом объединении исследований в разных областях, если его дополнить изучением топонимов и археологическими раскопками, это дает необходимый материал для написания истории колонизации тех или иных стран, переселившихся туда народов, их конфликтов с местным населением и постепенной ассимиляции на протяжении столетий. Материальная история развития романских языков эпохи германских завоеваний, которую мы кратко опишем в следующей главе, почти целиком основывается на исследованиях лингвистической географии.

Выделив три наиболее значительных течения в современной лингвистике, я вовсе не хочу сказать, что Соссюр, Жильерон и Фосслер – величайшие лингвисты прошлого поколения. Это было бы несправедливо по отношению ко многим другим; назову хотя бы Менендеса Пидалья, великого историка испанского языка. Что касается лингвистов моего поколения, то из них многие не принадлежат ни к одной из этих трех школ. Нет сомнений, однако, что Соссюр, Жильерон и Фосслер сформулировали важные проблемы и заложили методологическую основу современной романской лингвистики.

(В этом кратком очерке я воздержусь от упоминания одного современного и очень интересного лингвистического течения, которое по духу сближается со школой де Соссюра: это – фонология, разработанная несколькими лингвистами из России, основавшими «Пражский лингвистический кружок». Просто фонология, насколько мне известно, пока не внесла заметного вклада в романистику).

¹ Wörter und Sachen (нем.). – *Прим. переводчиков.*